

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ
СЕРИЯ 7**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

2

издается с 1973 г.

выходит 4 раза в год

индекс РЖ 1

индекс серии 1,7

рефераты 96.02.001-96.02.019

МОСКВА 1996

ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА XX в.

Русская литература

96.02.004. ЧЕРНИКОВ А. П. ПОЭЗИЯ И ПРОЗА “СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА”: Учебное пособие для учителей литературы и студентов филологического факультета пед. институтов. / Моск. пед. гос. ун-т им В. И. Ленина. Калуж. обл. ин-т усовершенствования учителей. — Калуга: Ин-т усовершенствования учителей, 1994.—264 с.

Книга представляет собой учебное пособие для учителей словесников. Во “Введении” сообщается, что в ней учтены изменения, внесенные в последние годы в вузовские и школьные программы по литературе.

“Литература рубежа веков, — пишет автор, — один из самых сложных, интересных и противоречивых периодов истории отечественного словесного искусства” (с. 5). В книге учитывается “возвращение к нам многих писателей, на которых еще недавно лежало... незыблемое табу”. Из незаслуженного забвения извлекаются произведения многих прозаиков и поэтов и целые литературные течения (там же). Преподавателям дается в руку материал к изучению творческого наследия мастеров слова, в силу исторических обстоятельств оказавшихся в конце своей жизни на чужбине, И. Бунина, А. Куприна, И. Шмелева, Б. Зайцева и др. Углубляется подход к исследованию творчества писателей, “казалось бы давно и неплохо изученных” (с. 3), — М. Горького, Л. Андреева, А. Блока. В задачу исследователя входило выявить особенности проблематики и поэтики произведений рассматриваемых авторов, выявить основные пути и направления эстетических поисков.

В структуре книги сочетаются обобщающие главы и монографические очерки о творчестве отдельных крупных прозаиков и поэтов. Общую характеристику литературного процесса в обозреваемый отрезок времени содержит вводная глава — “художественное своеобразие русской литературы начала XX века”. В ней раскрывается понятие “серебряный век” русской литературы (1895–1917). “Это вовсе не метафора, — пишет автор, — а понятие, которое означает бурное и сложное художественное развитие, напряженные поиски новых способов изображения жизни и человека” (с. 5). Идейно-художественное своеобра-

ние литературы того времени автор видит в совокупности проблем, черт, фактов литературной жизни, драматизме писательских судеб, перипетиях литературной борьбы. Он отмечает, что история русской литературы "не знает другого такого периода, когда бы за столь небольшой отрезок времени появилось такое количество течений, школ и имен, оставивших заметный след в мировой культуре" (с. 5-6). Замечая, что долгое время в советском литературоведении преобладающим считалось проявление в то время декаданса, А. П. Черников высказывает иной взгляд: декаданс безусловно был как отражение тревоги и отчаяния в обществе, вызывавшихся социальными катаклизмами. "... Но был и своеобразный эстетически-философский ренессанс" (с. 6), выражавшийся в богатстве художественных течений, творческих индивидуальностей. Ведущим художественным методом оставался реализм, выдвинувший Бунина, Шмелева, Горького, Зайцева, Замятина, Чапыгина, Гусева-Оренбургского и других видных мастеров слова. Вместе с тем на литературной арене, "как экспериментальной площадке были опробованы" акмеизм, футуризм, экзистенциализм, экспрессионизм, сюрреализм, импрессионизм. Своеобразно проявили себя романтизм, русский символизм. Автор книги справедливо замечает: русская литература первой проложила дорогу многим течениям, которые сейчас возвращаются к нам как "откровения" западной философско-эстетической мысли. Своеобразие русской литературы рубежа веков проявилось в обретении новых особенностей и свойств главного его течения и самого реалистического метода. Об этом писали Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко. Осознавалась необходимость "обновления художественных способов отображения мира и человека" (с. 7). Происходил бурный процесс демократизации литературной деятельности, выражавшийся в появлении многих новых видных имен, входивших в литературу из различных социальных слоев и регионов страны, расширявших географический диапазон изображения жизни России до ее "самых отдаленных уголков" и всех сословий общества. Проявила себя целая плеяда прозаиков — Бунин, Горький, Шмелев, Гребенников, Шишков, Сергеев-Ценский, Чапыгин и многие другие. "... Устами писателей начала XX века заговорила вся... глубинная, многомиллионная и разноликая Русь" (там же), расширилась тематика и проблематика художественных произведений. Автор книги прослеживает нараставшие изменения в различные отрезки времени — в самом начале XX в., в период революции 1905-1907 гг., в 1910-е и последующие годы на примере большого числа авторов и произведений. Характеризуются изменения в поэтике: усиление символизации в изображении явлений, экспрессивности языка. Отмечается роль горьковского издательства "Знание" в консолидации писательских сил.

Общие тезисы раскрываются и детализируются в последующих

портретных главах об известных прозаиках — “И. А. Бунин”, “А. И. Куприн”, “И. С. Шмелев”, “Б. К. Зайцев”. Избраны крупнейшие имена писателей, закончивших свой жизненный и творческий путь в эмиграции и представляющих собой вершины литературы русского зарубежья. Дается цельный очерк их биографии, творческого пути и наследия. Из творчества И. Бунина эмигрантского периода в центре внимания книга новелл “Темные аллеи” и Роман “Жизнь Арсеньева”. “Герои “Темных аллей”, — пишет А. Черников, — без боязни и оглядки бросаются в ураган страсти”. Но плотская любовь в сборнике “Темные аллеи”, замечает он, “одухотворена большим человеческим чувством”. “Духовное и физическое у него слиты в неразрывное единство” (с. 42).

Книга “Жизнь Арсеньева” оценивается как “своеобразная летопись духовной жизни героя, начиная с младенчества и кончая формированием характера” (с. 49). Роман автобиографичен. В нем воспроизведены факты детства и юности самого Бунина. В целом Бунин характеризуется как выдающийся художник слова, мастер прозы и поэзии

А. И. Куприн в посвященной ему главе предстает как художник яркого самобытного таланта, мастер занимательного сюжета, “человек огромного жизнелюбия” (с. 72). Рассматриваются его произведения поэмигрантского периода — “Молох” “Олеся”, “Поединок”, “Гранатовый браслет”, которые выдвинули его “в первые ряды критических реалистов” (с. 59). Пересматриваются установившиеся оценки романа “Яма”. В годы эмиграции Куприн публиковал рассказы “в лесковской манере” — “Тень Наполеона”, “Дурной каламбур” и др. Создал автобиографический роман “Юнкера”, напечатал повесть “Жанетта”, в которой изобразил “крах жизни человека, потерявшего родину” (с. 71).

И. С. Шмелев, автор “одного из вершинных его произведений” “Человек из ресторана” (1911), по оценке автора книги, явился выразителем лучших гуманистических традиций русской литературы (83). Векания революционного времени нашли отражение в его повести “Гражданин Уклейкин” (1907), у героя которой, “замызганном, потерявшим веру во всякую справедливость сапожнике”, пробуждается чувство собственного достоинства, сознание того, что “он — человек”! Раздумья о судьбах народа и родины писатель воплотил в лирико-философской повести “Под небом” (1910). Как наиболее яркое и талантливое произведение эмигрантского периода оценивается “Солнце мертвых” (1923), произведение глубоко трагическое. Это книга “о жестокости революционных властей” (с. 95). В критике оно получило оценку как “плач о России” (там же). “Более страшной книги не написано на русском языке”, — приводится отзыв А. Амфитеатрова (с. 98). Как “вершинные книги” Шмелева А. Черников оценивает также “Лето Господне”, “Богомолье”, “Родное”, которые автор создавал в эмиграции в тече-

ние долгих лет (1927–1944). Глава о Шмелеве содержит их подробный разбор.

Определяя роль и место Б. К. Зайцева в истории русской литературы XX в., автор книги отмечает главную черту его творчества: он “оставил яркий след как создатель проникновенной лирической прозы” (с. 119). Первые шаги в литературе он совершал “под покровительством” Леонида Андреева (рассказы “В дороге”, “Гора угрюмая” и др.). Для последующего творчества было свойственно стремление создавать бессюжетные произведения, когда реалистическое восприятие мира подменяется импрессионистическими впечатлениями (лирико-философские рассказы “Север”, “Земля”, “Деревня” и др.). В новеллистике Б. Зайцева получило отражение “чувство слитности природы и человека”, космизм мировосприятия (122). В рассказах “Черные ветры” и “Завтра” проявились веяния первой русской революции. Роман “Дальний край” (1913) рассматривается как стремление создать эпическое повествование в “безроманный” период. О революции он писал как об “электрическом ударе, молнией осветившем Россию” (с. 126). Она опалила души молодых людей, втянутых в водоворот событий. Герои романа в итоге отходят от революционной борьбы, ищут выход в общении с природой, любви, религии. События октября 1917 г. Зайцев воспринял как “возмездие за грехи” (129). Эмигрировав из России в 1922 г., он написал книги об Италии, но в основном создал произведения, “несущие в себе тихую, лирическую память о России”, — автобиографическая тетралогия “Путешествие Глеба” (“Заря”, 1937; “Тишина”, 1948; “Юность”, 1950; “Древо жизни” 1954); предавался описаниям святых — “Алексей Божий человек”, “Афон”, “Валаам”. Беллетризировал биографии писателей — Жуковского, Тургенева, Чехова. Очерк “О себе” — свидетельство Б. К. Зайцева о “двух пережитых жизнях” — в России и на чужбине.

Вторую часть книги составляет раздел “Поэтические течения в русской литературе конца XIX — начала XX века”. Она содержит общее обозрение творческого процесса в поэзии, разделы о новых “модернистских течениях”, критические этюды о наиболее видных представителях символизма, акмеизма, футуризма.

Ощущение “кризисного характера эпохи”, пишет автор, побуждало писателей искать ответ на вопросы о роли искусства в жизни, его связях с миром и человеком. Ответы были разными в зависимости от мировоззренческих и эстетических позиций авторов. В поэзии определились два направления — реалистическое и модернистское. В реалистическом, в свою очередь, обособляются течения: критического реализма, пролетарской поэзии и ново-крестьянской поэзии. К первой отнесены И. Бунин, Скиталец и др. Пролетарская поэзия вышла “из недр рабочего класса, она выражала его мировоззрение”, воплощала идеи

демократии и социализма, была остротенденциозной и публицистической, обращенной к борющемуся пролетариату (Ф. Шкулев "Мы кузнецы"; А. Богданов "Песня пролетариев"; Д. Бедный "Лапоть и сапог" и др.). Новокрестьянская поэзия представлена выходцами из крестьянской среды, ведущими мотивами ее были жизнь деревни, ее духовный мир. Среди перечисляемых имен даются характеристики С. Клычкова, Н. Клюева, С. Есенина.

Как крупное, разнородное и до ныне малоизученное направление в поэзии характеризуется модернизм. Он связывается с "философско-эстетическим Ренессансом" в духовной жизни России (философия В. Соловьева, П. Флоренского, Н. Бердяева и др.), когда происходил "возврат к идеализму, к религиозным и метафизическим ценностям, которые были упразднены позитивизмом и материализмом" (с. 139). Для представителей этого направления в поэзии "была характерна известная отстраненность от социальной жизни и проблематики, индетерминистская концепция человека, скептическое отношение к разуму" (с. 140). Главенствующими признавались внутренний душевный опыт, "неуловимые ощущения и мистические прозрения". В стремлении воздействовать не на разум, а на чувство читателя, они придавали главенствующее значение форме стиха. В перечне называются В. Иванов, А. Белый, Д. Мережковский. В разделе "Модернизм" обобщающие тезисы детализируются и иллюстрируются на творчестве этих и других видных представителей течения.

Возникновение русского символизма в посвященной ему главе относится к 90-м годам прошлого столетия. Оно нашло первоначально выражение в стихах Н. Минского и Мережковского. Дальнейшее развитие и обогащение традиций символизма А. Черников прослеживает на поэзии Ф. Сологуба и З. Гиппиус. Лучшие стихотворения З. Н. Гиппиус 1910-х годов, отмечает он, отличаются "умением передать сложность и противоречивость человеческих чувств, яркой звукописью" (с. 147). В эмиграции З. Гиппиус выпустила поэтические сборники "Стихи" (1920), "Сияние" (1939). Сложность и разнородность мотивов прослеживается в поэзии Ф. Сологуба: власть дьявола над человеком ("Чертовы качели", 1907) и любовь к родному краю: "Милее нет на свете края, О Русь, о родина моя. Тебе, в тоске изнемогая, слагаю гимны я" ("О Русь"). Наряду с поэзией привлекается проза Сологуба — романы "Мелкий бес", "Слаще яда" и др., в них сочетается социально-нравственная сатира и "атмосфера кошмара".

Как признанный мастер символизма и глава этого течения характеризуется в книге В. Брюсов, "сумевший передать бурю человеческих страстей и величавую поступь истории" (с. 154).

В самом начале XX в. выступило новое поколение поэтов — "младосимволисты" А. Белый, А. Блок, Вяч. Иванов, И. Анненский. На его

поэтику решающее влияние оказали идеи философа и поэта Вл. Соловьева, выдвинувшего постулат: прозреть сквозь хаотическую сущность реального бытия высший идеал любви и добра... и с помощью искусства воздействовать на преобразование мира и человека (с. 155). В книге раскрывается многогранность дарования А. Белого, сложная творческая биография И. Анненского, поэта, критика, драматурга и переводчика, оценивается философская, "трагедийная и возвышенная любовная лирика М. Волошина, отмечаются черты отличия его лирики от поэзии других символистов".

Акмеизм рассматривается как течение в поэзии, после 1910-х годов приходившее на смену "одряхлевшему символизму". Акмеисты выступали за изображение "земного, предметного мира", декларировали "сильное и жизненное искусство", реформу стиха. Реально же, замечает автор книги, "действительность в ее социальном наполнении мало интересовала акмеистов", за их декларациями "скрывалась не жизненная правда, а эстетизм" (с. 161). Детали быта приобретали в их поэзии самодовлеющую ценность. Одним из основных для поэтики акмеизма был принцип эстетического любования, "мелочами", их привлекала в реальности "чисто эстетическая сторона", внешняя красочность. Дух мелочей, веселая легкость безумного житейя характеризуют многие стихи М. Кузмина, пишет автор книги. Акмеисты стремились к ясности и конкретности изображения, но это была внесоциальная конкретность, "бегство от действительности" (с. 162).

Акмеизм, как и символизм, был неоднороден. В этом плане анализируется творчество Н. Гумилева, ставшего главой этого течения. Отсутствие внутренней эстетической цельности акмеизма выявляется и на примере творчества О. Мандельштама, который в юности заявлял: "Я от жизни смертельно устал, // Ничего от нее не приемлю" (с. 170). От декадентских настроений он пришел позднее к философско-эстетским медитациям, "много размышлял о месте и назначении человека в мире" (с. 173). Воспринимая революционные "катаклизмы как "сумерки свободы", он предавался трагедийным настроениям, чувству безысходности.

Футуризм автор книги относит к крупным течениям русского модернизма, различая в нем две группировки: эгофутуристы (И. Северянин, К. Фофанов и др.) и кубофутуристы (В. Маяковский, Д. Бурлюк, В. Хлебников и др.). В качестве теоретических основ эгофутуризма провозглашались интуиция и эгоизм, течение претендовало на создание нового искусства, объявляя устарелым творчество классиков. Поэтами-новаторами, создателями искусства будущего объявляли себя и кубофутуристы, игнорировавшие не только классическое наследие, но и всю современную литературу. В книге освещается творческая практика футуристов и раскрывается сущность их манифестов и деклараций.

Общее обозрение “серебряного века” русской литературы дополнено в книге отдельными критическими очерками о творчестве А. А. Блока, К. Д. Бальмонта, А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой. В них приводятся биографические данные о поэтах, анализируется и оценивается их художественное наследие

Делая обобщающее заключение, А. П. Черников приводит суждение А. М. Горького о русской литературе XIX в: “В России каждый писатель был воистину и резко индивидуален, но всех объединяло одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе ее народа, об ее роли на земле” (с. 259). То же с полным правом можно сказать и о литературе “серебряного века”, по-своему продолжавшей и развивавшей традиции великих предшественников и учителей.

Е. Ф. Трущенко

96.02.005. ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ: Материалы и публикации / Сост. Котрелев Н. В. // Новое лит. обозрение. — М., 1994. — № 10. — С. 1–312.

Настоящий выпуск журнала “Новое литературное обозрение” полностью отведен творчеству и литературным взаимосвязям поэта-символиста, теоретика искусства, философа Вяч. Иванова. Он, как пишет в своей преамбуле к материалам номера Н. Котрелев, принадлежит к числу тех художников, чей целостный образ в значительной мере является результатом его целенаправленного мыслительного усилия. “Возможно, важнейшее его (Вяч. Иванова) произведение — его легенда о самом себе” (с. 6). Один из аспектов данного коллективного исследования — документирование истории становления “мифа о поэте”, “наложение биографии на автобиографию” (там же).

Публикуются неизвестные стихотворения и переводы Вяч. Иванова из рукописей Римского архива, его статьи, лекции, рецензии, переписка поэта с С. К. Маковским (публикация Н. А. Богомолова и С. С. Гречишкина); вступительная статья Н. А. Богомолова, комментарий Н. А. Богомолова и О. А. Кузнецовой), с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх (письма относятся к середине 20-х годов — публикация Н. В. Котрелева и Ф. Мальковати), отдельные письма Вяч. Иванова академику С. Ф. Ольденбургу (публикация Г. Бонгард-Левина), писателю Б. Зайцеву (публикация Ж. Шерона), письма к нему поэта и прозаика А. А. Кондратьева (публикация Н. А. Богомолова), ученого-археолога Б. М. Зубакина (публикация Стефано Гардзонио), а также некоторые другие не известные ранее документы, выявляющие контекст эпохи, когда протекала деятельность Вяч. Иванова.

С. И. Субботин анализирует живые свидетельства о Вяч. Иванове,